

3. Zvonkov B. N. Uголовно-pravovaja bor'ba s brakон'erstvom v SSSR / B. N. Zvonkov // Socialisticheskaja zakonnost'. – 1982. – № 2. – S. 18.
4. Krastin'sh U. Uголовно-pravovaja ohrana ob#ektov prirody / U. Krastin'sh // Socialisticheskaja zakonnost'. – 1982. – № 9. – S. 51.
5. Krastin'sh U. Primenenie uголовnyh mer v bor'be s brakон'erstvom / U. Krastin'sh Socialisticheskaja zakonnost'. – 1983 – № 7. – S. 53–54.
6. Kudrjavceva E. N. Rybnye zapasy Kaspija: otvetstvennost' za posjagatel'stvo / E. N. Kudrjavceva // Socialisticheskaja zakonnost'. – 1996. – № 3. – S. 42–44.
7. Ljapunov Ju. I. Sootnoshenie jekologicheskikh i smezhnyh sostavov prestuplenij / Ju. I. Ljapunov // Sovetskaja justicija. – 1984. – № 11. – S. 10–12.
8. Naumov A. V. Kvalifikacija nezakonного zanjatija rybnym promyslom / A. V. Naumov // Sovetskaja justicija. – 1969. – № 12. – S. 10–11.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СВОБОДЫ ВОЛИ ПОТЕРПЕВШЕГО

Шевелева Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, декан юридического факультета, Юго-Западный государственный университет, 305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94, e-mail: ssh46@rambler.ru.

В статье рассматривается волеизъявление потерпевшего в различных аспектах уголовного права России: как специальное условие, исключающее уголовную ответственность (ст. 122 УК РФ); как криминообразующий признак отдельных составов (например, ст. 123, 134 УК РФ); как обстоятельство, влияющее на размер наказания (п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ); как одно из условий освобождения от уголовной ответственности (ст. 76 УК РФ).

Автор разделяет ранее предложенную позицию введения привилегированного состава убийства – эвтаназия в УК РФ. Обосновывается вывод о целесообразности декриминализации ст. 123 УК РФ: право женщины на распоряжение принадлежащим ей благом не должн

о ставиться в зависимость от каких-либо внешних факторов.

Ключевые слова: потерпевший, эвтаназия, криминальный аборт, свобода воли, освобождение от уголовной ответственности

LEGAL VALUE OF FREE WILL OF THE VICTIM

Sheveleva Svetlana V., Candidate of Law Sciences, Southwest State University, 305040, Russia, Kursk, 94 50 let Oktyabrya st., e-mail: ssh46@rambler.ru.

The article deals with the will of the victim in the various aspects of the criminal law of Russia: as a special condition for excluding criminal responsibility (art. 122 Criminal Code of Russia); as criminal sign of individual formulations (art. 123, 134 Criminal Code of Russia); as a circumstance that affects the amount of punishment (p. «d» part 1 art. 61 Criminal Code of Russia); as one of the conditions for exemption from criminal responsibility (art. 76 Criminal Code of Russia).

The author shares previously proposed the introduction of a privileged position ended the murder – euthanasia in the Criminal Code. The conclusion of the feasibility of the decriminalization of art. 123 of the Criminal Code: a woman's right to dispose of it belonging to good should not be subject to any external factors.

Keywords: victim, euthanasia, criminal abortion, freedom of will, exemption from criminal liability

История вопроса о свободе воли в философии и доктрине уголовного права выявляет существование двух основных направлений мысли: детерминизма и индетерминизма; к ним в XX в. прибавился так называемый «во-

левой агностицизм». Представляется, что в современных условиях, следует использовать последнюю конструкцию, предложенную еще социологической школой уголовного права: нельзя окончательно разрешить вопрос о том, существует ли свобода воли, однако как допущение можно признать, что она есть, и строить на этой основе уголовное право. Под свободой воли в её уголовно-правовом значении, на наш взгляд, следует понимать автономно принятое решение человека выбрать из доступных ему (включая сюда как действие, так и бездействие) один вариант действованиия и реализацию такого варианта.

При детальном анализе отдельных вопросов уголовного права концепт свободы воли мы обнаруживает практически во всех его институтах: понятие ответственности, вины, соучастия, состава преступления и т.д. Но в этом случае речь идет о наличии либо отсутствии свободы воли лица, совершающего противоправное деяние и могущего нести за него уголовную ответственность.

Совершенно очевидно, что свобода воли присуща и потерпевшему. Но каково его юридическое значение? Как справедливо отмечают В. Цепелев, Н. Мартыненко в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее УК РФ) отсутствует определение потерпевшего, не разработаны механизмы возмещения вреда, потерпевший не участвует в решении важных уголовно-правовых вопросов, в том числе и связанных с признанием совершенного в отношении его деяния малозначительным [23, с. 71-74]. Добавим здесь, что в некоторых случаях волеизъявление потерпевшего исключает уголовную ответственность (ст. 122 УК РФ), является криминообразующим признаком отдельных составов (ст. 123, ст. 134 УК РФ), либо влияет на размер наказания (п. «д» ч.1 ст.61 УК РФ). Институт примирения с потерпевшим базируется на свободе воли потерпевшего. Деление уголовных дел на дела публичного, частно-публичного и частного обвинения строятся по воле потерпевшего. В связи с чем нельзя согласиться с позицией авторов, утверждающих, что факт признания лица потерпевшим не зависит от его воли [22].

Потерпевший – это субъект уголовно-правовой охраны, которому в результате преступления был причинен физический, имущественный, моральный или иной вред, предусмотренный уголовным законом.

В интересующей нас плоскости потерпевшего следует рассматривать только тогда, когда его интересы выступают основным объектом. Данная позиция получила одобрение среди ученых относительно разрешения вопроса примирения с потерпевшим. Так, А.П. Анисимов считает, что не подлежат прекращению за примирением сторон уголовные дела о преступлениях против общественной безопасности и общественного порядка или против государственной власти (так называемые двухобъектные преступления). По его мнению, примирение с потерпевшим по делам о преступлениях против правосудия противоречит смыслу закона, поскольку оно не соответствует задачам уголовного закона, защищающего от преступного посягательства интересы государственной власти. Пострадавшему от преступных действий физическому лицу в данном случае вред причиняется исключительно потому, что это лицо является представителем власти и исполняет определенные служебные обязанности, а потому его волеизъявление о прекращении дела в связи с примирением с обвиняемым не имеет правового значения [1, с. 88-93]. Спорными представляются судебные решения о прекращении уголовных дел в связи с примирением сторон в отношении подсудимых по делам о таких преступлениях, как хулиганство, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ) [14], применение насилия в отношении представителя власти [4, с. 31-36].

В случае причинения потерпевшему имущественного, морального и иного вреда его свобода воли является «пусковым механизмом» для уголовного преследования. Деяние, совершенное против воли потерпевшего в этом случае всегда является преступным (разумеется при наличии всех признаков

конкретного состава преступления). Например, в Комментарие к Уголовному кодексу РФ совершенно справедливо отмечено: «Изъятие чужого имущества в процессе хищения всегда совершается **без согласия его собственника и вопреки воле последнего** (выделено автором)...» [9]. При разбое имущество похищается **против воли собственника** (выделено автором) и немедленно, а при вымогательстве происходит в условиях, в которых потерпевший **вынужден подчиниться воле виновного** (выделено автором) [9]. В соответствии со ст. 20 УПК РФ уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч.1 ст.115, ч.1 ст. 116, ч.1 ст. 128.1 УК РФ возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя и примирение допускается на любой стадии процесса вплоть до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. Данная норма свидетельствует, что только потерпевший свободно определяет причинен ли ему моральный и физический вред.

В случае причинения физического вреда с согласия потерпевшего или по его просьбе уголовный закон не единообразно оценивает поведение виновного. Здесь следует отметить, что фигуру потерпевшего следует рассматривать как своего рода одушевленный предмет преступления. Н. Г. Иванов предлагает рассматривать человека в качестве предмета в случае, если воздействие осуществляется на его физическое тело [5, с. 100], однако эта точка зрения не получила общего признания [21, с. 120].

Максимальный физический вред, который может быть причинен потерпевшему с его согласия, в науке именуется как убийство из сострадания или эвтаназия. Проблему эвтаназии сегодня называют одной из самых спорных и по сей день нерешенных медико-деонтологических, религиозно-этических и юридических проблем современности [6, с. 3].

Отметим, что все теократические религии (иудаизм, христианство, ислам) в отличие от мистических учений (индуизма, буддизма, даосизма) отличаются резким неприятием акта произвольного ухода из жизни. Однако, при ближайшем рассмотрении, мы видим, что Иисус «пошел на смерть» ради спасения человечества. Мученик в христианстве и шахид в мусульманстве – это верующий, принявший мученическую смерть на войне против врагов.

Среди философов немало тех, которые отрицая возможность добровольного ухода из жизни, сами прямо или косвенно совершали подобные действия. Лао-Цзы бесследно исчез в пустыне, Гераклит уморил себя голодом, Сократ, надсмеявшись над афинским судом, фактически приговорил себя к смерти. Гимнософист Калан добровольно взошел на костер на глазах завоевателя Александра Македонского. Греческий философ Анаксагор, обвиненный в шпионаже в пользу Персии, покончил жизнь самоубийством. Марк Брут и Гай Кассий, совершившие убийство Цезаря, также приказали своим солдатам убить себя, проиграв битвы за Рим. Римский философ – стоик Сенека, вскрыв себе вены, и находясь в горячей ванной, до последнего вздоха продолжал диктовать свои мысли находившимся рядом секретарям.

Среди юристов также нет единодушия в понимании данного вопроса [2,3, 7, 11, 13,16, 18].

В современном мире страны с «жесткой политикой» в отношении эвтаназии (Азербайджан) с одной стороны и государства, узаконившие эвтаназию (Нидерланды, Бельгия, Люксембург, отдельные штаты США), демонстрируют многолетний положительный опыт. В частности, ст. 135 УК Азербайджана гласит, что эвтаназия, то есть удовлетворение просьбы больного об ускорении его смерти какими-либо средствами или действиями либо прекращение искусственных мер по поддержанию жизни наказывается исправительными работами на срок до двух лет либо лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

В России медицинским работникам запрещается осуществление эвтанази, то есть ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента (Ст. 45 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ в ред. от 21.07.2014 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»). Аналогичные трактовки имеют международные нормативные акты: «...врач никогда преднамеренно не лишит жизни пациента ни по его просьбе, ни на основании обращения с подобной просьбой его семьи» (Венецианская декларация о терминальном состоянии (принята 35-й Всемирной медицинской ассамблеей в октябре 1983 года)).

Полагаем, что в качестве привилегированного состава убийства эвтаназия могла бы найти место в УК РФ [6, с. 14]. Данная научная проблема уже решена на уровне монографических исследований, отметим, что в контексте свободы воли потерпевшего она имеет принципиальное значение.

В интересующем нас вопросе интересен опыт азербайджанского законодателя, устанавливающего уголовную ответственность за незаконные искусственное оплодотворение и имплантацию эмбриона, медицинскую стерилизацию. В случае проведения указанных медицинских действий без согласия лица, в отношении которого проводятся данные мероприятия или в отношении несовершеннолетнего предусмотрена уголовная ответственность с наказанием до трех лет лишения свободы (ст. ст. 136.1, 136.2 УК Азербайджана). В случае аналогичных действий в России за стерилизацию возможно привлечение к ответственности по ст. 111 УК РФ с санкцией до восьми лет лишения свободы при отсутствии отягчающих обстоятельств, а за искусственное введение эмбриона без согласия женщины ответственность по отечественному уголовному законодательству отсутствует. В рамках самостоятельного исследования интересен опыт Азербайджана с позиций «работоспособности» данной нормы.

Обсуждая свободу воли потерпевшего нельзя не оставить без внимания ст. 123 УК РФ. Здесь воля потерпевшей влияет на квалификацию, а, соответственно, на санкцию для виновного. В случае отсутствия волеизъявления потерпевшей на прерывание беременности, ответственность наступает по ст. 111 УК РФ, как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

В соответствии со ст. 2 Конституции РФ «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Это касается и права граждан на охрану их здоровья, которое должно обеспечиваться целым комплексом мер, принимаемых государством, в том числе путем реализации положений нормативно-правовых актов о здравоохранении.

Вместе с тем, согласно ст. 19 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» «при обращении за медицинской помощью и ее получении пациент имеет право на...облегчение боли, связанной с заболеванием и медицинским вмешательством, доступными способами и средствами..., информированное добровольное вмешательство и отказ от медицинского вмешательства», а согласно ст. 20 Основ... «Необходимым предварительным условием медицинского вмешательства является дача информированного добровольного согласия гражданина или его законного представителя на медицинское вмешательство на основании предоставленной медицинским работником в доступной форме полной информации о целях, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных вариантах медицинского вмешательства, о его последствиях, а также о предполагаемых результатах оказания медицинской помощи».

Означает ли это, что в любом случае при наличии добровольного согласия гражданина на причинение ему вреда лицом, оказывающим медицинскую помощь, последний, в случае наступления негативных последствия для лица,

давшего такое согласие, освобождается от уголовной ответственности? Очевидно, что нет. Тогда как это соотносится с правом на материнство и возможен ли отказ от него? И каковы правовые последствия для лица, нарушившего телесную неприкосновенность будущей матери с ее собственного согласия в целях искусственного прерывания беременности?

Уголовное законодательство зарубежных государств дает возможность привлекать к ответственности не только лиц, производящих незаконный аборт, но и самих женщин, включая те случаи, когда она без чьей-либо помощи сделала прерывание беременности самой себе (Австрия, Албания, Болгария, Гана, Габон, Румыния, Чили и др.) [8, с. 24; 17, с. 142; 20]. Однако, подавляющее большинство государств относит незаконное производство абортов к привилегированным составам в кругу преступлений против здоровья, учитывая психологическое состояние матери, и наказание назначается гораздо менее строгое, чем за умышленное причинение вреда здоровью [12, с. 100-104]. Для большинства стран производство аборта возможно только при наличии исключительных обстоятельств медицинского (угроза жизни или здоровью женщины или будущему ребенку) или социального плана (зачатие в результате изнасилования, смерть мужа и т.п.) [17].

Каждая женщина имеет право самостоятельно решать вопрос о материнстве. Искусственное прерывание беременности проводится по желанию женщины при сроках беременности до 12 недель, по социальным показаниям – при сроках беременности до 22 недель, а при наличии медицинских показаний и согласия женщины – независимо от срока беременности (ст. 56 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ в ред. от 21.07.2014 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»). На основании Приказа Минздравсоцразвития РФ от 03.12.2007 № 736 в ред. от 27.12.2011 «Об утверждении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности», к числу медицинских показаний для искусственного прерывания беременности относятся: туберкулез (все активные формы), краснуха, наличие в настоящем или в прошлом злокачественных новообразований всех локализаций, тяжелые формы сахарного диабета, ряд психических расстройств, в том числе аффективные настроения, проявляющиеся в стойких суицидальных установках и при риске суицидальных действий, тяжелые формы заболеваний нервной системы, острый и хронический лейкоз, врожденный порок сердца, состояние физиологической незрелости до 15 лет и др. При наличии у беременной заболевания, не указанного в Перечне, но при котором продолжение беременности и роды представляют угрозу жизни или ущерба для здоровья беременной или новорожденного, вопрос о прерывании беременности решается индивидуально консилиумом врачей. При наличии медицинских показаний беременной выдается заключение с полным клиническим диагнозом, заверенное подписями указанных специалистов и печатью учреждения.

Социальным показанием для искусственного прерывания беременности является беременность, наступившая в результате совершения преступления, предусмотренного статьей 131 УК РФ (Постановление Правительства РФ от 06.02.2012 № 98 «О социальном показании для искусственного прерывания беременности»). Ранее данный перечень был гораздо шире. В частности, к социальным причинам, позволяющим произвести аборт, относились наличие решения суда о лишении или об ограничении родительских прав; беременность в результате изнасилования; пребывание женщины в местах лишения свободы; наличие инвалидности I – II группы у мужа или смерть мужа во время беременности (Постановление Правительства Российской Федерации от 8 мая 1996 г. № 567 «Об утверждении перечня социальных показаний для искусственного прерывания беременности»).

Искусственное прерывание беременности проводится в учреждениях, получивших лицензию на указанный вид деятельности, врачами, имеющими специальную подготовку. Необходимым условием осуществления искусственного прерывания беременности является согласие беременной женщины на данную операцию.

Только при соблюдении всех вышеуказанных требований аборт может считаться законным. Отсутствие информированного добровольного согласия, а также нарушение сроков проведения аборта влечет административную ответственность медицинских работников по ст. 6.32 КоАП РФ. Проведение искусственного прерывания беременности лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля влечет уголовную ответственность по ст. 123 УК РФ. По справедливому замечанию А. А. Ашина проведение искусственного прерывания беременности врачом-гинекологом вне специального медицинского учреждения или в иные сроки, чем предусмотрено законодательством, не является уголовно наказуемым деянием [10].

С другой стороны исходя из смысла ст. 56 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», прерывание беременности в случае нарушения сроков, произвольного расширения медицинских и социальных показаний, отсутствия необходимой и достоверной информации о последствиях аборта является незаконным.

Получается, что производство аборта лицом, имеющим соответствующее высшее медицинское образование, но с нарушением условий, установленных действующими нормативными актами, регулирующими вопрос с искусственным прерыванием беременности, не образует данный состав преступления. Такую позицию разделяет большая группа авторов [15, с. 19; 19, с. 69].

Данная уголовно-правовая норма, с точки зрения законодателя направлена на охрану здоровья, для чего и была помещена в главу 16 УК РФ. Учитывая, что свободное волеизъявление потерпевшего при причинении вреда жизни и здоровью не имеет уголовно-правового значения, указанный состав необходимо декриминализировать. В случае проведения абортов вне медицинского учреждения, либо при нарушении сроков проведения подобных операций, либо лицом, не имеющим соответствующий медицинский профиль должна наступать уголовная ответственность по ст. 111 УК РФ, по признаку прерывания беременности.

Полагаем, что положения, предусмотренные ч. 2 ст. 6.32 КоАП РФ, имеют высокую общественную опасность, в связи с этим считаем, что данную норму необходимо декриминализировать, а подобные действия должны регулироваться уголовным законодательством.

Итак, свобода воли потерпевшего имеет важное юридическое значение. При причинении морального и имущественного вреда потерпевшему, волеизъявление имеет значение «пускового механизма» возникновения уголовно-правовых отношений. При причинении физического вреда жизни и здоровью свобода воли потерпевшего может влиять лишь на размер наказания для виновного. Исключение здесь составляет только ст. 122 УК РФ, позволяющая освободить лицо от уголовной ответственности в случае, если другое лицо, поставленное в опасность заражения либо зараженное ВИЧ-инфекцией, было своевременно предупреждено о наличии у первого этой болезни и добровольно согласилось совершить действия, создавшие опасность заражения. Однако, здесь законодатель преследует более «гуманную» цель – недопустимость исключения из социально полезных контактов ВИЧ-инфицированных лиц, не имеющих возможности изменить ситуацию в силу отсутствия на сегодняшний день соответствующей вакцины.

Проведенное исследование позволило прийти к выводу о необходимости декриминализации ст. 123 УК РФ. Незаконное прерывание беременности в

том смысле как оно понимает федеральным законодательством об охране здоровья граждан должно подпадать под действие ст. 111 УК РФ независимо от волеизъявления беременной. Также необходимо введение в уголовное законодательство привилегированного состава убийства из сострадания (эвтаназия).

Список литературы

1. Анисимов А. П. Прекращение уголовных дел в связи с примирением сторон // Законность. – 2009. – № 10. – 88-93.
2. Баулин Ю. В. Причинение вреда с согласия "потерпевшего" как обстоятельство, исключающее преступность деяния. – Харьков, 2007. – 360 с.
3. Газданова Е. К. Согласие потерпевшего в уголовном праве: понятие, характеристика, значение: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – 191 с.
4. Гарбатович Д. Освобождение лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Уголовное право. – 2014. – № 2. – С. 31 – 36.
5. Иванов Н. Г. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части. – М., 2000. – 544 с.
6. Капинус О. С. Эвтаназия как социально-правовое явление: Уголовно-правовые проблемы: Автореф. ... докт. юрид. наук. – М., 2006. – 58 с.
7. Капинус О. С. Эвтаназия в свете права на жизнь: монография. – М.: ИД Камерон, 2006. – 480 с.
8. Келина С. Г. Основные вопросы уголовного права Венгерской народной республики. – Будапешт: Корвина, 1963. – 192 с.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. -13-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2013. – 1069 с.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Т.К. Агузаров, А.А. Ашин, П.В. Головенков и др.; под ред. А.И. Чуцаева. Испр., доп., перераб. – М.: КОНТРАКТ, 2013. – 672 с.
11. Красиков А. Н. Сущность и значение согласия потерпевшего по советскому уголовному праву. – Саратов, 1976. – 120 с.
12. Кузьминых Р. А. К вопросу о криминализации аборт в уголовном законодательстве // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2009. – № 3. – С. 100-104.
13. Панов М. Согласие потерпевшего как признак привилегированного состава преступления // Уголовное право. – 2014. – № 1. – С. 57 – 62.
14. Постановление Кондинского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа от 11 октября 2010 г. Дело N 1-132/2010 // <http://sudoved.ru/ru/docs/1955192>.
15. Попов А. Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2001. – 465 с.
16. Порох В. И., Катрунов В. А., Засыпкина Е. В. Юридические и медико-этические аспекты эвтаназии и перспективы ее легализации в России // Современное право. – 2013. – № 2. – С. 62 – 65.
17. Современное зарубежное уголовное право / под ред. А. А. Пионтковского. – М.: Иностранная литература, 1958. – Т. 2. – 550 с.
18. Сумачев А. В. Согласие лица на причинение вреда в системе обстоятельств, исключающих преступность деяния. – Тюмень, 2005. – 91 с.
19. Тасаков С., Шумилов А. Искусственное прерывание беременности (аборт). Уголовно-правовые аспекты // Уголовное право. – 2004. – № 2. – С. 67-69.
20. Уголовный кодекс и уголовно-процессуальный кодекс республики Албания. – М., 2002.

21. Уголовное право России / Под ред. В. Н. Кудрявцева, В. В. Лунеева, А. В. Наумова. – М., 2006. – 543 с.
22. Фаргиев И. А. Учение о потерпевшем в уголовном праве России: Автореф. ... докт. юрид. наук. – М., 2005. – 38 с.
23. Цепелев В., Мартыненко Н. Малозначительность деяния в судебной практике и интересы потерпевшего // Уголовное право. – 2012. – № 3. – С. 71–74.

References

1. Anisimov A. P. Prekrashhenie ugovolnyh del v svyazi s primirenem storon // Zakonnost'. – 2009. – № 10. – 88-93.
2. Baulin Ju. V. Prichinenie vreda s soglasija "poterpevshego" kak obstojatel'stvo, iskljuchajushhee prestupnost' dejaniya. – Har'kov, 2007. – 360 s.
3. Gazdanova E. K. Soglasie poterpevshego v ugovolnom prave: ponjatie, harakteristika, znachenie. – M., 2011. – 191 s.
4. Garbatovich D. Osvobozhdenie lica ot ugovolnoj otvetstvennosti v svyazi s primirenem s poterpevschim // Ugovolnoe pravo. – 2014. – № 2. – S. 31 – 36.
5. Ivanov N. G. Ugovolnoe pravo Rossijskoj Federacii. Obshhaja i Osobennaja chasti. – M., 2000. – 544 s.
6. Kapinus O. S. Jevtanazija kak social'no-pravovoe javlenie: Ugovolno-pravovye problemy. – M., 2006. – 58 s.
7. Kapinus O. S. Jevtanazija v svete prava na zhizn': monografija. – M.: ID Kameron, 2006. – 480 s.
8. Kelina S. G. Osnovnye voprosy ugovolnogo prava Vengerskoj narodnoj respubliki. – Budapesht: Korvina, 1963. – 192 s.
9. Kommentarij k Ugovolnomu kodeksu Rossijskoj Federacii / otv. red. V. M. Lebedev. – M. : Izdatel'stvo Jurajt, 2013. – 1069 s.
10. Kommentarij k Ugovolnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) / T.K. Aguzarov, A.A. Ashin, P.V. Golovnenkov i dr.; pod red. A.I. Chuchaeva. Ispr., dop., pererab. – M.: KONTRAKT, 2013. – 672 s.
11. Krasikov A. N. Sushhnost' i znachenie soglasija poterpevshego po sovet'skomu ugovolnomu pravu. – Saratov, 1976. – 120 s.
12. Kuz'minyh R. A. K voprosu o kriminalizacii abortov v ugovolnom zakonodatel'stve // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – 2009. – № 3. – S. 100-104.
13. Panov M. Soglasie poterpevshego kak priznak privilegirovannogo sostava prestuplenija // Ugovolnoe pravo. – 2014. – № 1. – S. 57 – 62.
14. Postanovlenie Kondinskogo rajonnogo suda Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga ot 11 oktjabrja 2010 g. Delo N 1-132/2010 // <http://sudoved.ru/ru/docs/1955192>.
15. Popov A. N. Prestuplenija protiv lichnosti pri smjagchajushhix obstojatel'stvah. – SPb.: Juridicheskij centr-Press, 2001. – 465 s.
16. Poroh V. I., Katrunov V. A., Zasypkina E. V. Juridicheskie i mediko-jeticheskie aspekty jevtanazii i perspektivy ee legalizacii v Rossii // Sovremennoe pravo. – 2013. – № 2. – S. 62 – 65.
17. Sovremennoe zarubezhnoe ugovolnoe pravo / pod red. A. A. Piontkovskogo. – M.: Inostrannaja literatura, 1958. – T. 2. – 550 s.
18. Sumachev A. V. Soglasie lica na prichinenie vreda v sisteme obstojatel'stv, iskljuchajushhix prestupnost' dejaniya. – Tjumen', 2005. – 91 s.
19. Tasakov S., Shumilov A. Iskusstvennoe preryvanie beremennosti (abort). Ugovolno-pravovye aspekty // Ugovolnoe pravo. – 2004. – № 2. – S. 67-69.
20. Ugovolnyj kodeks i ugovolno-processual'nyj kodeks respubliki Albanija. – M., 2002.
21. Ugovolnoe pravo Rossii / Pod red. V. N. Kudrjavceva, V. V. Luneeva, A. V. Naumova. – M., 2006. – 543 s.

22. Fargiev I. A. Uchenie o poterpevshe v ugovnom prave Rossii: Avtofev. ... dokt. jurid. nauk. – M., 2005. – 38 s.

23. Sepelev V., Martynenko N. Maloznachitel'nost' dejanija v sudebnoj praktike i interesy poterpevshego // Ugovnoe pravo. – 2012. – № 3. – S. 71 – 74.

**ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЗАРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ЭКСТРАДИЦИИ (ВЫДАЧИ) ЛИЦ,
СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ**

Галышева Елена Геннадьевна, аспирант, Липецкий государственный технический университет, 398600, Россия, г. Липецк, ул. Московская, 30.

Половинкина Марина Леонидовна, кандидат исторических наук, Липецкий государственный технический университет, 398600, Россия, г. Липецк, ул. Московская, 30.

Чернецов Александр Александрович, кандидат педагогических наук, Липецкий машиностроительный колледж, 398058, г. Липецк, Студенческий городок, дом 10.

Статья посвящена актуальной проблеме историко-правового исследования зарождения и развития института экстрадиции. Проведенный в статье анализ нормативно-правовых актов и научной литературы дает возможность показать предпосылки формирования института экстрадиции в современном мире.

Ключевые слова: экстрадиция; институт экстрадиции, международные отношения, уголовное право, нормативно-правовые акты

**THE HISTORICAL ASPECT OF ORIGIN AND DEVELOPMENT
OF CRIMINAL LEGAL INSTITUTION OF EXTRADITION (EXTRADITION)
OF PERSONS COMMITTING A CRIME**

Galysheva Elena G., postgraduate student, Lipetsk State Technical University, 398600, Russia, Lipetsk, 30 Moscovskaya st.

Polovinkina Marina L., Candidate of Historical Sciences, Lipetsk State Technical University, 398600, Russia, Lipetsk, 30 Moscovskaya st.

Chernetsov, Alexander A., Candidate of Pedagogical Sciences, Lipetsk Machine-building College, 398058, Lipetsk, campus, building 10.

The article is devoted to historical and legal study of the origin and development of the institution of extradition. Conducted in the article the analysis of normative legal acts and scientific literature gives the opportunity to show the prerequisites for the formation of the Institute of extradition in the modern world

Keywords: extradition; the institution of extradition, international relations, criminal law, normative-legal acts

Известная нам с древнейших времен, практика выдачи лиц, в том числе и преступников, зародилась как элемент дипломатических отношений между правителями, как правило, близлежащих племен, городов, государств. Часто, эти отношения охватывали небольшие регионы и в основном, были недостаточно развиты. Можно сказать, что в основном они относились больше к области политики, чем к области права. Но отрицать их нельзя. Как отмечала